

Дежурство с продолжением

В тот день хирургическое отделение, где я работал, не принимало больных по скорой помощи. Поэтому дежурство было с правом сна. Мой возраст уже подходил к пенсионному, стоять ночь напролёт в операционной было не по силам. Более молодые коллеги охотно уступали мне такие «холодные» дежурства, тем более, что за «горячие» в Израиле платят больше. И это, конечно, справедливо. В тихие дни вся работа дежурного врача – это быстренько сделать вечерний обход палат, после чего со спокойной совестью можно идти отдыхать и молиться, чтобы ночью не потревожили.

Я, как это обычно бывает у врачей, не помнил своих больных по именам и фамилиям, а только по диагнозам, рентгеновским снимкам, анализам и другим исследованиям. Этот больной был с язвой желудка и без ноги. Консервативное лечение язвы антибиотиками не помогло и пришлось оперировать.

Операция прошла без осложнений, и я на вечернем обходе, наскоро пощупав пульс и взглянув на процедурный лист, хотел было выйти из палаты, но он остановил меня вопросом:

– Это вы меня оперировали?

– Это не играет роли. У нас в отделении все врачи хорошо оперируют.

– Я знаю, что это вы. Вас все хвалят, говорят, что мне повезло.

Я не стал ему возражать и, пожелав спокойной ночи, направился в сторону двери, но он снова меня остановил:

– Посидите возле меня, доктор. Как хорошо, что вы знаете русский. А то я здесь, как глухонемой: сам ничего не могу сказать и по-ихнему, что говорят, не понимаю. Посидите, пожалуйста, возле меня, поговорите со мной, мне так здесь одиноко.

– Где здесь? Здесь на больничной койке? Здесь всем одиноко.

– Нет, я говорю, что мне одиноко в Израиле.

– Но у вас есть, наверно, жена, дети, внуки. Они вас навещают?

– Никого у меня здесь нет, никого, один я. Никто ко мне сюда не приходил и уже не придёт.

– Что ж так?

– Если вы согласитесь, я расскажу.

Я присел на край кровати, машинально взял его руку в свою, стал щупать пульс, а он начал тихо говорить: «Я родился в 1924 году в Белополье. Есть такое село на Житомирщине. Когда я родился, это было наполовину еврейское местечко, где даже украинцы, поляки и русские знали идиш. Последний раз я там был в 1999 году перед

отъездом сюда, хотел попрощаться с дорогими могилами. Ведь в Белополье покоятся мои родители, сестрёнка, дед, бабушка – все мои корни в Белополье. Но оказалось, что еврейского кладбища там давно нет. На месте оврага возле речки, где в войну убили евреев, построили консервный завод. Местная молодёжь не то, что не знает, где было еврейское кладбище; они вообще не знают, что такое здесь не так уж давно было. К слову, я не встретил в Белополье ни одного еврея. И было странно, что в речке, где голышом купалась малышня, не было ни одного обрезанного мальчика. Но это к слову. Однако не буду отвлекаться. В июне сорок первого года я с отличием окончил десятый класс. Отец хотел, чтоб я выучился на агронома. А я вместе с одноклассниками пошёл в военкомат – война, сами знаете. Делать нечего, институт пришлось отложить до лучших времён. На фронт меня сразу не взяли, направили в артиллерийское училище, с которым я эвакуировался на Урал. Родители и сестрёнка, сами понимаете, остались в Белополье. После училища меня опять-таки не отправили на фронт, а как отличника учёбы оставили преподавать материальную часть орудия. На фронт я попал после повторных рапортов только в декабре сорок четвёртого командиром батареи 152 мм гаубиц. Это, конечно, безопаснее, чем в пехоте. Но и здесь меня нашёл осколок немецкого снаряда. И ранение было, вроде бы, пустяковое – в голень. Но доктора спешили, что-то не доглядели, рана загноилась, а потом случилось заражение крови, температура и всё такое прочее. А кончилось тем, что мне в госпитале отрезали левую ногу чуть ниже колена. Но и после этого состояние не стало лучше, и я медленно умирал. А выходила меня молоденькая медсестра Галочка. Она на руках носила меня на перевязки, сидела возле меня ночами, где-то доставала за свои деньги свежие фрукты, заставляла есть, мол, для выздоровления витамины нужны. Она, конечно, не была первой красавицей, но так ничего, в теле, как говорят. В этой Галочке было столько тепла и доброты, что не влюбиться в неё было просто невозможно. Да и я, конечно, нравился ей.

Чувствовал, что нравлюсь. Она хотела выйти за меня замуж, а я отнекивался, мол, не хочу тебе жизнь портить. Какой из меня муж? Молод ещё и инвалид, от этого никуда не деться.

Но, если честно, не мог я тогда позволить себе жениться на гойке¹. Ведь вырос-то я в Белополье, где такие свадьбы не одобряли. «Дурень ты, Савва, пожалеешь, да будет поздно», – только и сказала мне

Не еврейка – идиш ¹

Галочка на прощание и крепко, почти до крови, поцеловала в губы, расплакалась и убежала.

А я, как выписался из госпиталя, было это в апреле сорок пятого, сразу в Белополье подался. Приехал, а дома нашего нет, одни обгоревшие развалины. Встретил папашу своего одноклассника. Он сказал, что мне повезло. Хоть без ноги, зато живой, а Стёпка его погиб. И ещё сказал, что родителей моих и сестрёнку (ей десять лет было) вместе с другими евреями убили в овраге возле речки. Не немцы, свои убили. Ивана Гаркушу, как наши вернулись, за это судили, срок дали. Он, Стёпкин батя, хотел спрятать моих, соседи все-таки. Но мама моя не согласилась. Поблагодарила по-человечески, но сказала, что у нас в Белополье все на виду, не спрятаться от людских глаз: «А вам, Степан Степанович, незачем на себя и деток своих беду накликасть». Переночевал я у него в горнице, а что дальше делать?

Чтобы оформить пенсию по инвалидности, надо было осесть, с пропиской определиться. Но после всего, что случилось, не было у меня никакой охоты в Белополье оставаться, а податься некуда, денег нет и в помине. А жить как-то надо. Стал я бродяжничать, побираться. Добрался до Киева. Пришёл в военкомат, а там сказали, чтоб ехал домой и все нужные для пенсии бумаги оформил по месту жительства. О том, что нет у меня дома, они и слушать не стали, выпроводили на улицу, и дело с концом. Нашёл я уютный подвал под лестницей на Безаковской улице и ночевал там с крысами. Они меня не трогали, а я их не обижал. Удобно было. До вокзала рукой подать. А там всегда многолюдно. И люди жалели, не скупилась, подавали. Словом, не голодал я. И безаковскому дворнику каждый день чекушку покупал, чтоб не гнал в шею и в милицию не доносил. Так и перебивался со дня на день, не задумываясь о будущем. В один из дней, было это уже после Победы, подошёл ко мне пожилой майор из местных и потцовски предупредил, чтоб я не околачивался на вокзале. Мол, указ из Москвы пришёл – отловить всех бездомных калек и выслать на какой-то северный остров, чтоб не портили пейзаж советских городов. Я ему, конечно, не поверил, но, на всякий случай, поменял вокзал на другое место.

Вы, доктор, мне говорили, сами из Киева будете. Помните, на улице Саксаганского был кинотеатр имени Шевченко? Так вот, я там с утра до вечера фильмы смотрел, а в перерывах между сеансами собирал подаяния. Костыли клал вдоль стены, чтоб люди не спотыкались. Контролёры меня жалели, не прогоняли. Несколько раз я пытался снять угол, чтобы прописаться, оформить пенсию и начать жить, как люди

живут. Но не тут—то было. Вид у меня был такой, что хозяйева квартир и разговор не начинали, захлопывали перед носом дверь. Вы только не подумайте, что я загрязнел. Нет. Я регулярно раз в неделю ходил в баню. Или в Караваевскую, или в Троицкую, что напротив стадиона на Красноармейской улице. И брился там в парикмахерской. Гимнастёрку и вообще все белье стирал в Днепре. А зимовать на Безаковской не пришлось, Бог миловал».

Как врач, я понимал, что больному надо дать возможность высказать наболевшее. Это зачастую помогает лучше любых лекарств. Но у нас, докторов, нет на это, как правило, ни времени, ни желания. Я прочитал его имя в верхнем правом углу процедурного листа, что висел на спинке кровати, и сказал:

— Савелий, постарайтесь уснуть. Уже поздно, мы с вами беспокоим соседей по палате своими разговорами. Доскажете как—нибудь в другой раз.

— И вы такой же, не хотите меня выслушать, никто не хочет — он повернулся на другой бок, а я выключил в палате свет и тихо вышел. Через месяц он пришёл ко мне на приём в амбулаторию на рутинную послеоперационную проверку. Я остался доволен осмотром. Рана закрылась, жалоб со стороны живота нет. Словом, что касается операции, все закончилось благополучно. Однако он из кабинета не выходил, молчал и пристально глядел на меня.

— Что с вами, Савелий? Вы хотите что—то спросить?

Он съёжился и с обидой в голосе произнёс:

— Почему вы меня обманываете?

— Я не понимаю, о чем вы?

— Зачем говорите, что вырезали язву, а я знаю, что у меня рак. Почему не хотите сказать правду? Жалуете? Не надо меня жалеть. Можете сказать всё, как есть. Я не из пугливых.

— Я вам сказал правду. У вас была язва. И её не вырезали. Вам сделали щадящую операцию, после которой язва должна сама по себе зарубцеваться. Судя по вашему состоянию, она уже зарубцевалась. И не мучайте себя нездоровыми мыслями. Даю вам слово, что всё в порядке.

— Моей жене в Киеве тоже сделали операцию: разрезали живот, посмотрели и зашили. Сказали, что язва. А у неё был рак. И её тоже все обманывали. Я сам обманывал. Так надо было.

— В Киеве, может быть, и надо. Там так принято. А у нас в Израиле больным всегда говорят правду, сколь бы тяжёлой она ни была. Даже, когда болезнь неизлечима и шансов нет, мы говорим правду. В таких

случаях мы сообщаем больному, сколько, примерно, времени у него есть, чтобы закончить все свои земные дела.

Он недоверчиво глянул на меня и вышел из кабинета, не попрощавшись.

После работы я увидел его во дворе больницы. Ловко орудуя костылями, он спешил к маршрутному автобусу. Не успел. Очевидно, водитель его не заметил. Когда я проходил мимо, Савелий злобно пробурчал:

– Шофёр видел, что я бегу к автобусу. Видел, что на костылях, но издевательски перед самым носом захлопнул дверь и поехал. Русский бы так не поступил. А эти марокканцы нас ненавидят.

– Зря вы так, Савелий. Не надо плохо думать о людях. Шофёр вас просто не заметил. Ничего страшного не случилось.

– У него что, глаз нет? Не заметил.

– Хотите, я вас подвезу до дома?

– Мне не нужны одолжения, – сказал он, однако последовал за мной на стоянку.

Этот обозлённый на весь мир человек вызывал у меня какое-то смешанное чувство жалости и симпатии. Наверно, потому что мой покойный отец тоже пришёл с войны инвалидом, я всегда хотел сделать что-нибудь хорошее людям, которых война покалечила, старался подарить им немного человеческого тепла. Вот и сейчас, чтобы хоть чуть-чуть отогреть ожесточённое сердце Савелия, я пригласил его в ресторан, чтобы вместе пообедать.

– У меня нет денег на рестораны, – огрызнулся он.

– Я вас приглашаю и, естественно, я плачу.

– Значит, в следующий раз я должен буду вас пригласить, а у меня, как я уже сказал, нет денег на рестораны.

– Ничего вы не должны. Пообедаем вместе, а заодно вы доскажете то, что не успели тогда на дежурстве.

– А вам интересно?

– Конечно.

– Тогда я согласен. Только учтите, я спиртное не употребляю. У нас в Киеве, сам-то я не знаю, но мужики говорили, что если в ресторане не закажешь водку или там вино какое ни есть, то официанты отказывались обслуживать. Мол, у нас тут не дешёвая харчевня, у нас ресторан. Понимать надо! А если кто не уходил и качал права, то обязательно нахамят и принесут какую-нибудь несъедобную бурду.

– А в Израиле вы можете зайти в самый дорогой ресторан, заказать чашечку кофе и сидеть, пока не надоест. И никто вас не станет выгонять, все будут улыбаться и благодарить за то, что пришли к ним.

– Неужели правда? И благодарить будут?

– Конечно.

– Что-то мне не верится.

Я повез его в восточный ресторан и заказал по шашлыку и кока-колу.

От колы он стал отказываться.

– Почему?

– Я же вам сказал, что спиртное не употребляю.

– Кока-кола – это прохладительный напиток.

– А почему же в Киеве пацаны распевали: «не ходите, дети, в школу, пейте, дети, кока-колу». Все думали, что эта самая кола – что-то вроде ихнего виски. А вы говорите, что прохладительный напиток. Выходит, они в этой песенке газировку рекомендовали пить? Так, что ли?

– Пусть будет так.

Официант, молодой араб, поставил на стол пятнадцать разных салатов и несколько свежих горячих лепешек. Савелий недоумённо посмотрел на меня и неуверенно спросил:

– Насколько я понял, вы все эти закуски не заказывали. А они приносят и наверняка ломают за них приличную цену.

– Это добавки к основному блюду. Они входят в стоимость заказа.

– Как так?

– Пока готовят шашлыки, чтоб не скучать и разогреть аппетит, рекомендуют отведать салаты. Так здесь принято.

– Рассказать кому-нибудь из наших – не поверят.

Еще больше удивило Савелия, что, когда в одной из тарелок заканчивался салат, официант с неизменной улыбкой тут же забирал пустую и ставил на её место полную с таким же салатом. Савелий жадно ел все подряд, кусочком лепешки подчищал остатки и возражал, когда официант пытался убрать со стола не полностью опустошённую тарелку. А когда салаты и шашлыки были съедены, а кока-кола выпита, нас пересадили за соседний пустой столик и принесли арабские сладости и дымящийся горячий кофе в медном кувшине. К сладостям Савелий не притронулся и объяснил: «Некуда больше, – он похлопал себя по животу, – жаль, что нельзя унести это с собой, я бы угостил соседей по хостелю²». Официант по моей просьбе принёс пластиковую

Дом с множеством одно- и двухкомнатных квартир, где обычно живут пенсионеры или одиночки ²

коробку с крышкой и аккуратно уложил туда весь оставшийся десерт. Я протянул коробку Савелию:

– Теперь сможете угостить соседей!

– Это они всех так обслуживают, или только вас, потому что вы – доктор, и они вас знают?

– Всех, конечно. Это ведь частный ресторан. Хозяин старается, чтобы клиент остался доволен. Иначе в следующий раз он не придёт и знакомым своим накажет не приходить.

– Да, все здесь по-другому, можно сказать, по-людски, – он задумался на минуту, – но чтобы пользоваться этим, надо иметь много денег и знать иврит. А мне, если честно, и в Киеве было неплохо. Напрасно приехал.

– Савелий, вы мне рассказали, что поменяли вокзал на кинотеатр. А что дальше было?

– А дальше, – он глубоко вздохнул, – сижу, значит, я на полу в фойе перед последним сеансом. Давали, как сейчас помню, «В шесть часов вечера после войны», дешёвенькая такая мелодрама, сюжет из пальца высосан. В жизни так не бывает. Но песни хорошие. При Сталине вообще все фильмы были ниже плинтуса, а вот артисты хорошие и песни душевные. Песни до сих пор люблю и, когда слышу: «Казак уходил на большую войну, невеста его провожала», у меня мороз по коже. Это ведь из того фильма про шесть часов вечера.

Он снова смолк на минуту, задумался.

– Рассказывайте, Савелий, я слушаю.

«Сижу, значит, я в фойе кинотеатра, передо мной перевернутая шапка, а в ней медяки. И тут – я и не узнал её сразу – Галина! Щёки напудрены, губы намазаны, на голове шляпа с перьями. И она мне:

– Савушка? Ты? Боже мой, неужели это ты? Бедненький мой! А ну-ка вставай сейчас же и пошли со мной.

Кино мы, сами понимаете, посмотрели. Она ведь билет купила, не пропадать же деньгам. А после сеанса повезла меня Галочка на трамвае к себе домой. Жила она в Дарнице. Там был такой район, Рабочий посёлок назывался. Не дома, а бараки с длинными коридорами и по обе стороны комнаты, в каждой семья. В конце того коридора, где Галина с матерью имели комнату в десять квадратных метров, стояла большая посуда вроде ванны. Без крана с водой. Видно, кто-то из соседей приволок из разрушенного дома. Занавесила Галочка эту ванну простынёй, нагрела на примусе два ведра воды, отрезала ниткой квадратик хозяйственного мыла и выкупала меня, как малых детей купают. Так и остался я с ней жить в этом бараке. Мамаша её, земля ей пухом,

деликатная женщина была. Всегда после ужина шла к соседям лясы точить, чтобы нас вдвоём оставить, без свидетелей, так сказать. Галина моя, сами понимаете, войну прошла и мужиков, конечно, знавала. На войне женщине от этого никак нельзя было уберечься. Как мужик, я чувствовал, что ей хорошо со мной по этому самому делу.

Чтобы прописаться в Киеве, пришлось пойти в ЗАГС и оформить наше сожительство, как положено по закону. Из архива госпиталя, где мне ногу отрезали, Галина выхлопотала необходимые бумаги. И стал я получать пенсию, как инвалид войны. Денег, конечно, мало выписали, но и за это спасибо.

Только вот каждый год на перекомиссию надо было ходить. А для чего? Они ведь понимали, что у меня новая нога не вырастет. Бюрократия ненужная. Но все привыкли и не роптали. А начнёшь высказывать недовольство, так самому хуже будет.

Работала моя Галина медсестрой тут же, в поликлинике на Рабочем поселке. А я устроился сторожем на стройку. На жизнь хватало. Антисемитизма я никакого на себе не чувствовал и забыл, что еврей. Фамилия у меня нейтральная, может и за украинскую и за русскую сойти. Ковальский я. Имя-отчество тоже – и вашим, и нашим, Савелий Ильич. Мужики меня уважали, хоть и не пил с ними, мол, инвалид, мне нельзя по здоровью. А на бутылку всегда соглашался одолжить, если кто просил. Бабы, так те даже завидовали моей Галочке. Говорили, что хоть муж инвалид, зато не алкаш, рукам воли не дает и жену уважает. Известно, почему завидовали. Война-то мужиков повывёргивала, а спать на холодной простыне никому не хочется. Через год, стало быть, в сорок шестом дочка у нас родилась. Аннушкой назвали. Это как бы в память о моей маме, которую по-еврейски звали Хана. Я хотел ещё детей, а Галина возражала, всё абортывала у бабок, со мной не советуясь. Тогда за аборт могли и срок впать. По ихнему выходило, что тело женщины принадлежит не самой женщине, а партии, правительству и лично товарищу Сталину. Вот женщины и калечили себя. Женщины, это такой народ, что они пойдут на всё, чтобы иметь ребёнка и наоборот – чтобы избавиться от нежелательной беременности. Галина моя выросла в нищете да нужде. Потому хотела она, чтобы у нашей доченьки все было – и одёжки не хуже, чем у других детей, и игрушки там разные, и всё такое прочее. Шла на абортывания, считая, что денег на двух детей не хватит. Жили мы, как все вокруг, в тесноте, да не в обиде. От себя отрывали, а Аннушке нашей ни в чём не отказывали. Старались для неё. Галина моя по две смены вкалывала. А я, как придю домой после ночи, посплю пару часиков и –

по магазинам. Меня с моими костылями без очереди люди пропускали. Так что продукты в доме всегда были. Годы бежали, дочка росла, окончила школу, в медицинский институт поступила без всяких там осложнений. Это евреев не принимали, а у Аннушки фамилия моя, а национальность материна. К тому времени наш барак снесли, и нам на четверых дали двухкомнатную квартиру в Хрущёвской пятиэтажке. В одной комнате мы с Галиной, в другой – Аннушка наша с бабушкой. Красота! Теперь вот все ругают Советскую власть. А ведь она, родная, заботилась о людях. И пионерские лагеря для детей устраивала, и путёвки на курорт трудовому народу бесплатно давала. Аннушка наша институт окончила, врачом стала. По случаю того, что отец у неё инвалид, работать в деревню не послали, в Киеве оставили. Бабушка умерла, и на её место дочка мужа привела. Толковый парень, инженер, на почтовом ящике работал.

Жили мы дружно, не сорились никогда, хорошо, можно сказать, жили. Но однажды сильно меня обидела Аннушка. Захворал я, и свезла меня скорая в Дарницкую больницу. А там доктор Наум Маркович Полисский пощупал живот, сердце послушал и сказал, что операция не нужна, так полечим. Лежу, значит, я на койке, Галочка дважды на день приходит, бульоны куриные специально для меня варит, апельсины на базаре у грузин купила, а Аннушка моя так ни разу и не пришла. Вы спросите – почему? Ясно почему. Не хотела, чтобы в больнице знали, кто её отец. Стеснялась, что еврей, боялась уважение потерять. Такие вот дела. И зачем они в истории болезни национальность указывали? Что? Евреи болеют не так, как другие люди, скажем, русские или украинцы? Вот вы скажите мне, зачем это надо писать в истории болезни? Ну, в паспорте я понимаю – для порядка надо. То, что в паспорта они вписали эту самую пятую графу, к этому все привыкли. А в истории болезни зачем? Ведь все болеют одинаково. Или я не прав?». Мой собеседник задумался, взял костыли, встал и собрался уходить. Я жестом остановил его. Наш кофе остыл, и я попросил принести нам по стакану чая. Официант поставил на стол пузатый стеклянный чайник с кипятком и два пустых стакана.

– Это же не чай, это просто горячая вода, – Савелий недоумённо пожал плечами, – что он себе думает, этот официант?

– Вот тут в пакетиках, – я показал ему, – есть разные чаи, на любой вкус, выбирайте, который нравится.

– Я все равно по ихнему не читаю. Какой пакетик себе возьмёте, такой и мне. Только я люблю крепкий чай.

– Положить вам два пакетика?

– Если можно, то два.

– Скажите мне, Савелий, почему бы вам не выбросить эти старые костыли и вместо них заказать себе удобный протез?

– Был у меня протез. Он так натирал культю, что я не мог этого выдержать. А к костылям я привык, без них мне никак нельзя.

– Здесь, в Израиле, если вы обратитесь, я подскажу куда, вам бесплатно сделают удобный протез.

– Я же вам сказал, доктор, что был у меня протез. Не подошёл он мне.

– Но здесь другие протезы.

– Протезы другие, а ноги те же. Не нужны мне никакие протезы. Я так привык.

– А почему вы решили в Израиль ехать, если там вам жилось хорошо?

– Несчастье заставило. Заболела моя Галочка, сохнуть стала, а в поликлинику ни за что не хотела обращаться, в себе боль таила. Но дочка всё же заставила и повела её к главному профессору – Слинчаку Сергею Михайловичу. Тот назначил просвечивание, анализы всякие, а потом нам сказал – рак, надо оперировать. Аннушка дала ему доллары, чтоб сам оперировал. И что вы думаете? Взял, хотя и знал, что берёт у матери врача, коллеги, так сказать. Но операция не помогла, только ухудшила состояние. Он, Слинчак то есть, разрезал живот, взял кусочек ткани для анализа и зашил. Сказал, что поздно обратились. А тут зять мой услышал где-то, что в Израиле доктора научились рак лечить. Мол, надо ехать. Повезло Галине Фёдоровне, что муж еврей. Другие пусть здесь умирают, а евреям можно ехать и лечиться. Уговорил меня зять. Уже конец века стоял на дворе. Отъезжающих никто не ругал и не обзывал предателями, как раньше бывало, – отъезжающим завидовали. Вот мы и приехали, так сказать, на мою историческую родину. Квартиру и все дочке там оставили. Приехали сюда с двумя чемоданами без всякого багажа. Дали нам на двоих комнату в хостеле.

Галочку я и на химию водил в Цфатскую больницу, и в Хайфу на автобусе возил. Облучали ее там. А все равно не помогло. Умерла моя Галочка. Зря мы сюда спешили. А дочка с зятем все совета в письмах спрашивают – ехать им или не ехать? Так я не советую. Что им здесь делать? Здесь, если кто не еврей, так даже к мёртвым плохо относятся. Мою Галину не разрешили хоронить в Цфате, отвезли в Кирьят–Шмону, где есть не кошерное кладбище. А как ещё его назвать? Мне туда на трёх автобусах добираться надо. Здесь – до автостанции, потом сесть на междугородний, а в Кирьят–Шмоне снова поменять автобус – и до кладбища. Всё это, если повезёт, два часа занимает. Но я человек

свободный, спешить некуда. Навещаю свою Галочку регулярно и денег на автобусы не жалею. Что у меня ещё есть на этой земле, кроме её могилы? Ничего нет. Я мог бы вернуться в Киев, дочка, конечно, не выгонит, но могилку Галочки не хочу оставить без присмотра. Когда умру, хотел бы возле неё лежать. Готов продать последние штаны, ссуду в банке взять, чтобы место для себя застолбить возле неё. Но, опять-таки, сказали в раввинате, что нельзя еврею на том кладбище лежать. Даже рядом с законной женой нельзя. Прожили мы с моей Галочкой в мире и согласии пятьдесят пять лет. Вот и выходит, что на этом свете можно было, а на том нельзя».

Я довёз его до хостеля. Он в машине не проронил ни звука, думал о чём-то своём. А выходя, не удержался и сказал:

– Я всё равно знаю, что у меня рак и осталось мне совсем ничего. Вы, доктор, добрый человек. И люди говорят, и сам вижу, что добрый. Только зря вы меня обманываете, зря...